

Евгений Водолазкин. *Оправдание Острова*: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. — 405 с.: — (Новая русская классика).

Хроники государства Остров вместили в себя все: братоубийственные войны, природные катаклизмы, голод и моровую язву, заговоры, революции, оккупацию и колонизацию Острова. История государства Остров — от крещения и появления письменности до современности — как метафора истории государства. Это государство строят (и разрушают) мудрые правители, властолюбцы, самодуры: светлейшие князья и сменившие их председатели и президенты Острова; свой вклад в творимую историю вносят мудрые епископы и оголтелые поборники «нового»; происходящее скрупулезно фиксируют в хрониках монахи-летописцы. Легенды (или явь?) Средневековья (говорящий кот, вещающая отрубленная голова) сменил прогресс, что явился на Остров вместе с первыми бомбистами, считавшими всякую власть откровенным злом. По сообщению хрониста, «злодеев в *прогрессивных* кругах надлежало называть не злодеями, но борцами за лучшую жизнь. В чем эта жизнь состояла, а главное — чем была плоха нынешняя, никто, включая означенных борцов, не знал». А еще прогресс принес на Остров железную дорогу, венские стулья, офисы, стразы, стринги, фастфуд, пять игорных домов, два дома терпимости и выборы. «Остров распахнулся навстречу миру. Распахнутость была явлена прежде всего в усиленном вывозе на Большую землю полезных ископаемых и леса». Наконец, профессиональный фокусник и мастер распилов правитель Вальдемар запродавал все нефтяные скважины Острова Континентальной нефтяной компании. Готовящуюся к печати книгу, историю Острова, составленную из хроник летописцев разных времен, комментируют Парфений и Ксения, средневековые князья, живущие на свете вот уже три с половиной века. Когда-то их династический брак прекратил войну между югом и севером, они познали любовь подданных и их недоверие, во имя сохранения жизней своих подданных без сопротивления расстались с властью и безропотно переселились в коммунальную квартиру. Консультируют они не только издателя книги, но и французского режиссера Леклера, снимающего фильм по мотивам их жизни. Живут в Париже, пьют кофе с круассанами в кафе в тихом Латинском квартале (центр Парижа оккупирован желтыми жилетами) и рассуждают о человеческой природе, об истории и времени, о мире Средневековья, в центре которого был Бог, и времени нынешнем, в центре которого — человек. По замыслу Евгения Водолазкина эта пара воплощает в себе непреходящие ценности, такие понятия, как идея нравственности, идея любви к ближнему. В своей книге историк Е. Водолазкин следует строгим канонам средневекового летописного стиля, отказавшись от древнерусской лексики, придерживается особой интонации, особой мелодики средневековых текстов. Этот стиль распространяется и на средневековую часть повествования, и на современную, доходящую до наших дней. Возвышенный язык хроник Острова периодически сменяется живым современным языком, на котором говорят Парфений и Ксения и их друзья. Блестяще использован весь арсенал таких выразительных средств, как юмор, ирония, сатира, гротеск, сарказм. «Вальдемар давно уже не распиливал помощниц: это занятие он перенес на островную казну. Особенность его фокусов состояла в том, что, исчезнув однажды, денежные средства больше не появлялись». Филигранно включены в текст аллюзии. Первый хронист Острова — иеромонах Никон Историк. Наследник престола, что играет в «ножички» и чудом уберегается от пущенного ему в сердце острого лезвия. Смутьян Касьян, первый председатель Острова, что принял

смерть от змеи, выползшей из давно поставленного в гараж любимого «роллс-ройса» правителя. Бомба, что была взорвана в столовой их Высочеств. Храм Преображенья, ставший Храмом Светлого Будущего. Трудовой лагерь, где тысячами гибнут крестьяне, у которых отобрали излишки провизии. Есть и более глубокие аллюзии: князь, что выходит с подданными на берег моря и творит молитву, после которой полчища саранчи тонут в море. По мере того как «светлое будущее, принесенное на Остров Революцией, становилось все менее и менее светлым», усомнился хронист, что технический прогресс способствует прогрессу человека. «Паровоз делает путь удобнее, но сами путники не становятся лучше». Афоризмов немало. Несмотря на внятные отсылки к истории России, история Острова историю России не дублирует. «История единственна и всеобща, и, даже затерянная на неведомом острове, является она ветвью общего древа». Узнаваема современность, выборы, демонстрации, оговоры, доброжелатели с Большой земли, завладевшие недрами Острова. Смешно и поучительно. За красочным полотном повествования глубокое размышление о сути времени и смысле истории. Вопреки мнению островской профессуры, что история есть непрерывная цепь причин и следствий, а событие — то, что меняет течение истории, худоумным Иларием (и Е. Водолазкин) история понята со средневековых позиций. Понята, как «описание борьбы Добра и Зла, ведущейся руками человека, где историческое событие — победа одной силы над другой, поскольку соотношение сих побед и поражений определяет духовное состояние народа». Наглядно, зрительно пишет Е. Водолазкин о «заклочениях» истории. Так, две версии о регентах при Парфении и Ксении оставил Проконий Гугнивый: официальную, благостную и истинную о деяниях-злодеяниях богопротивной пары узурпаторов. Историю Острова требовали переписать «в соответствии с общим течением прогресса», выкинуть период вхождения Острова в Империю: «если история не героическая, то это не история». За надругательство над историей революционный министр истории светлого будущего был страшно наказан: его сожрал крокодил. Е. Водолазкин говорит и об особом восприятии времени в Средневековье: его ведущей в вечность непрерывности, волнообразном движении, создающем и разрушающем империи. На вопрос Леклера Парфению и Ксении: «Исчезни Сталин в тридцатые, — ушла бы диктатура? С чем были связаны ее начало и конец?» — они отвечают так: «С ритмом истории». Е. Водолазкин пишет о том, что по большому счету у нас, кроме истории, нет ничего, что история — это память человечества, и когда люди лишаются памяти, они лишаются опыта. История становится все более своенравной, неминуемая гибель (вулкан, готовый взорваться) ждет Остров. Недоброе будущее сулит затерянное когда-то и разысканное древнее пророчество Агафона Впередсмотрящего о судьбе Острова: «Земля же, чуткая к ожесточению человека, сама ожесточится». И снова библейские параллели, на этот раз с Содомом и Гоморрой. Остров спасут, спасут двое стариков-праведников. Автор, помещая действие в средневековый и вневременной контекст, говорит о дне сегодняшнем. Его Агафон учил, что история повествует не столько о прошлом, сколько о настоящем. Из максим Агафона, звучащих сверхактуально: «Откройте миру, и будет это вам во благо. Но сказано ведь, что есть время обнимать и есть время уклоняться от объятий».

Валерий Берков. Наше обокраденное поколение. Пер. с норвежск. С. Берковой. СПб.: Европейский дом, 2019. — 160 с.: ил.

Выдающийся российский филолог и лексикограф, специалист в области (древне)исландского и норвежского языков Валерий Павлович Берков (1929—2010) адресовал свои автобиографические заметки норвежцам. Автор первого (и по сей день един-

ственного!) исландско-русского словаря и самого подробного русско-норвежского словаря за свои работы был награжден российским орденом Дружбы, высшим норвежским орденом «За заслуги» и высшим исландским орденом — орденом Сокола. В 1997 году за работы о Норвегии, ее культуре и языке ему была присуждена Большая Академическая премия. Про него норвежцы сняли документальный фильм. В годы перестройки у него появилась возможность жить и работать в Норвегии. Свои заметки В. Берков писал на норвежском языке. Он подробно изъясняет норвежцам советские реалии: что такое коммуналка (у него был собственный опыт проживания в такой квартире), как строилась карьера ученого в СССР, какие испытания пришлось пережить ему и его близким в годы террора, в Великую Отечественную войну. Этот текст, написанный автором в начале 90-х годов, — документ эпохи, который отражает взгляды русского интеллигента (по рождению, образованию, месту жительства и работы) на историю страны, на ее прошлое. В оценке прошлого явно просматривается разоблачительный пафос публицистики 90-х годов XX века: позорный пакт Молотова—Риббентропа, ответственность властей за неудачи первых лет войны, за блокаду — сожженный склад с собранным в одном месте продовольствием. Размышляя о жизни людей в советское время, В. Берков дает и свои нелицеприятные оценки прошлому, свое толкование происходившему. Ужасы и зверства тюрем НКВД он знает по рассказам отца, советского филолога П. Беркова, арестованного в 1938 году как «немецкий» шпион, главная которого вина — учеба в Австрии. В. Берков пытается понять, как же мог случиться кровавый кошмар, почему народ не протестовал, почему допустили массовые убийства. Да, были оболваненные люди — верующие и палачи, но ведь и были те, кто считал, что количество шпионских дел — фикция, но сохранял молчание, не смея протестовать. На примере собственного опыта (жизнь в эвакуации в Киргизии в войну) размышляет о национальных отношениях, проблемах общения. Отмечает, что хотя между приезжими и местными жителями в целом сохранялись хорошие отношения, имел место и великорусский шовинизм: для русских и украинцев киргизы, уйгуры, узбеки, татары были людьми второго сорта. И в то же время, он констатирует: приезд в интеллектуальное захолустье высококвалифицированных специалистов, инженеров, ученых, преподавателей, людей искусства стимулировал подъем культурного уровня этих регионов. В Киргизии В. Берков впервые столкнулся с антисемитизмом. Норвежским читателям он объясняет: погромов не было, не было даже юдофобства (ненависти к евреям), скорее антипатия и пренебрежение. В школе никто из учителей не позволял себе высказываний или действий, которые можно было бы истолковать как антипатию к евреям, разве что «некая ироническая интонация при упоминании того или иного имени». И продолжит тему размышлениями о причинах антисемитизма, о евреях в СССР. Своя точка зрения у него и на причину массовых депортаций народов в СССР: с одной стороны, Сталин хотел запугать остальные народы, чтобы не роптали, с другой — планировал строить Большую Грузию, отдав ей земли депортированных народов. В. Берков размышляет о том, что такое коммунизм в теории и на практике, о неподдельной вере советских людей в справедливость идей коммунизма, в то, что они участвуют в строительстве нового мира, об искреннем энтузиазме, с которым они делали это. Через всю книгу рефреном проходит обида на советскую власть, на страну: недодали, не оценили людей науки, трудившихся много и увлеченно. Жизнь советского ученого, по мнению автора: дискомфорт, нищета, лишения. Не было возможности приобрести приличное жилье, выехать за границу. Ничего, что имел любой приличный европейский или американский ученый. Нищая жизнь, а хозяева жизни жили в довольстве. Свое поколение он считает обокраденным, но не столько потому, что оно было лишено материальных благ, а потому, что украдено было самое дорогое — время, потра-

ченное на изучение марксизма-ленинизма, научного атеизма, бессмысленные партийные и комсомольские собрания и заседания. В книге много ярких реалий из ушедшей в небытие жизни: блокадный и послевоенный Ленинград; детальное описание жизни в Киргизии (Пржевальск, Фрунзе), куда в конце сентября 1941 года была эвакуирована семья Берковых. Именно в Киргизии у подростка из Ленинграда возник интерес к языкам и альпинизму. Подробно рассказано и об обучении в Ленинградском университете, куда автор поступил после окончания школы, о становлении в ЛГУ скандинавистики как науки. С 1978-го по 1997 год В. Берков заведовал кафедрой скандинавской филологии ЛГУ, с 1994-го по 1999 год работал по совместительству профессором скандинавистики Ослоского университета. Сравнивая системы обучения в вузах СССР и Норвегии, В. Берков в конечном итоге высказывается в пользу советской системы, которая предлагает студентам обширную теоретическую базу, широту взглядов, культурно-исторический запас знаний. Когда-то, выбирая профессию, В. Берков мечтал о другой реальности, об ином обществе с подлинными человеческими ценностями. Норвегия казалась далекой, недостижимой страной грез. Когда же пожил там и сопоставил свои романтические представления с реальным положением дел, то о прежних мечтаниях вспоминает со снисходительной улыбкой. Эта книга печатается впервые. Да она и не закончена. То ли автор сомневался, что норвежские издатели проявят интерес к книге (а захотят ли норвежские читатели знать подробности послевоенной идеологической кампании против Зощенко и Ахматовой, если им не знакомы даже эти имена?). То ли изменения во взгляды вносила сама жизнь, и происходили переоценки.

Николай Жаринов. Исповедь литературоведа: как понимать книги от Достоевского до Кинга. Ил. Д. Багдасаряна. М.: Эксмо, 2020. — 144 с; ил. — (Искусство с блогерами).

Субъективные заметки филолога, журналиста и блогера Николая Жаринова о книгах, которые сыграли роль в ситуациях для него переломных и значимых, но и вполне обыденных, житейских... Болезнь, смена работы, утрата любви, развод, ощущение одиночества... В больницу он взял с собой Достоевского, убежденный, что «подобное лечится подобным». Погружение в мир страстей и страданий героев Достоевского, рефлексия под воздействием романа «Братья Карамазовы» пробудили в нем желание выйти из «баньки с пауками», стены которой построены из мелких поступков, а вместо пауков копошатся малодушные мысли. В первую очередь прекратить неудавшиеся отношения с женой. Чтение романа «Игрок», любимой книги Н. Жаринова, помогло избавиться от страха перед будущим и сделать шаг ему навстречу. В этой книге фрагменты и отрывки из романов и рассказов (приблизительно третья часть текста) соседствуют с размышлениями автора. Так монологи Свидригайлова, разговор Ивана Карамазова с бесом, отрывок из «Игрока» перемежаются с рассуждениями автора о том, как выглядит настоящее зло. «У Достоевского это не что-то великое и внушающее священный ужас. Нет. Наоборот. Это что-то мелкое, гадкое, противное. Какое-то насекомое». От порожденных чтением Достоевского мыслей об обыденности и мелкости зла, автор вольно переходит к роману У. Стайрона «Выбор Софи», чтобы и дальше развивать тему зла, в котором нет и не может быть величия. Круг чтения у филолога Н. Жаринова обширен: Достоевский, Чехов, Бунин, Маяковский, Гюго, Бальзак, Марио Варгас Льюса, Кундера, Кинг... Значимых литературоведческих анализов нет. Но автор все-таки литературовед. Поэтому некоторые наблюдения присутствуют. О му-

зыкальности композиции «Отверженных» Гюго. О важности для писателя работы со словом: на примере стихотворной строки Маяковского «Дым табачный воздух выел» автор показывает, как удачно подобранный глагол заставляет почувствовать нехватку свежего воздуха. Или как финальный аккорд в рассказе Бунина «Легкое дыхание» способен превратить пошлую историю в подлинное искусство. Как одна фраза может перевернуть и жизнь героя, и отчасти человека читающего: епископ, покупающий душу у Жана Вальжана, чтобы передать ее Богу (Гюго «Отверженные»). Восприятие текста на физическом и метафизическом уровне Н. Жаринов, прочитавший уже всего Достоевского и сидя на даче, видит так: «Нужно было бежать из этой „баньки“, выйти из своей зоны комфорта, где все понятно и известно заранее. Так я решил в тот момент. Еще раз взглянул на свой стакан, в котором играли солнечные лучи, и напился. Мрачно, молчаливо, редко закусывая пережаренными пельменями, скользя помутневшими глазами по убогой дачной обстановке. А потом также, не проронив ни слова, отрубился и проспал до следующего утра. Скажете, что это глупость? Отвечу, что опыт. Достоевский ведь и сам так пить любил. Приходил в самый дешевый кабац, брал водку и черный хлеб. Макал кусочек ржаного в горькую, выпивал рюмку и закусывал этим хлебушком. А потом смотрел через грязные стекла на серые улицы питерских трущоб. Честно сказать, это отвратительно. Просто мерзость. Но делаешь так, и на физическом уровне отправляешься в мир Федора Михайловича. Это была та самая крайняя степень осознания и погружения в контекст». К собственному опыту, способствующему пониманию творчества того или иного писателя, Н. Жаринов обращается не раз. Например, когда размышляет, почему книги С. Кинга становятся лучшими друзьями подростков, и возвращается в конец 90-х годов, запомнившийся запахом затхлости заброшек, засохшей мочи и пороха, из которого подростки делали самодельные бомбы: в книгах Кинга героями ряда произведений были подростки, и они испытывали те же эмоции, что подростки 90-х в антураже заброшенных домов. На чердаке одного из таких домов юный Жаринов читал Кинга и, вынужденный бежать от наркоманов, впервые испытал чувство радости избавления от опасности. В книге немало банальностей: «Детство прекрасно тем, что перед тобой открыты все дороги, а вот по мере взросления пути постепенно закрываются. Выбор сокращается, нужно все больше сил для того, чтобы что-то изменить. И так часто это приводит к разочарованию и усталости...» А кто же не знает, что одну и ту же книгу по-разному прочитываешь в разном возрасте? В заключительной главе автор признается в любви к Милану Кундере, потому что Жаринов, травмированный исчезновением страны, в которой родился, отчаянно искал родину и нашел ее в языке, близких людях и книге Кундеры «Невыносимая легкость бытия». Раскрыта ли в книге тема, заявленная в заглавии: как понимать книги от Достоевского до Кинга? На основе собственного опыта автор делает вывод, что понять книгу можно, стоит лишь подобрать правильный момент для чтения и увидеть и услышать подсказки. А вообще: «Ведь по-настоящему литературу можно понять, только проживая ее через собственные эмоции». Жесткие оценки творчеству блогера, выступившего в роли автора многообещающей книги, дали его сотоварищи по Интернету. Одна из них: «Идея книги в том, что некий Николай переосмысливает Достоевского, Кинга и других, пропуская через призму собственного опыта. Тут логично предположить, что жизнь Николая очень интересна и драматична. Николай, действительно, считает, что это так, и приводит такие эпизоды, как: потребление алкоголя на даче; взросление и последующую жизнь в промышленном районе Москвы, у МКАДа; поджигание петард; мучительный брак и решение его расторгнуть; скучная работа; отношения с девушкой; поездки за границу. В итоге вместо анализа литературных произведений вы читаете биографию очень среднестатистического москвича,

и нет, она не становится лучше от вкраплений типа „и тут я понял Достоевского“. Другая помягче: «В книге больше исповедального, личного и эмоционального, чем литературоведческого. Ненадолго погрузиться в размышления о литературе (и перечитать отрывки), побродить по воспоминаниям автора, послушать меланхоличные страдания по-достоевскому, восхититься эlegantностью стиля Бунина и красотой композиции Гюго и принять вывод о „невыносимой легкости бытия“ — то это очень подходящая книга». Пожалуй, насельники Интернета читать книги умеют.

Архимандрит Августин (Никитин). Россия и Нидерланды, 400 лет: История российско-нидерландских религиозных связей. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. — 302 с.

Первые официальные связи между Россией и Нидерландами установились в начале XVII века с воцарением Михаила Федоровича. Но начались русско-голландские контакты много раньше, и главным региональным центром, где они происходили, был Русский Север. Важную роль в общении играли северные монастыри: Печенгский монастырь, Соловецкий, Михайло-Архангельский. Архимандрит Августин пишет историю российско-нидерландских религиозных связей плотно, в подробностях, увязывая ее с развитием государственных, торговых, культурных отношений. События, факты, люди. Много ярких деталей и имен. Мореplаватель Виллем Баренц, скончавшийся в 1597 году на Новой Земле, — названное его именем море омывает северные берега России. Это голландцы отыскали удобную гавань вверх по течению реки Двины и испросили у Ивана Грозного разрешение перенести туда свой новый пост. Вскоре это место получило наименование Ново-Холмогор, позднее — Архангельск. Голландской общине в Архангельске посвящена отдельная глава. Это голландский врач Николаас Бидлоо стал основателем в России первого военного госпиталя (1707 год, Москва), первой школы-вуза для подготовки отечественных врачей, автором первого русского учебника по медицине. Основанный им госпиталь ныне — главный военный клинический госпиталь им. академика Бурденко. Подробно изложены события времен Петра I, периода наиболее активного развития российско-голландских связей: Великое Посольство (1697—1698), второй визит Петра I в Голландию, обмены посольствами, голландские корабли и русские кумпанства, русские в Голландии и голландцы в России, уникальное издание Нового Завета с голландским и церковнославянским текстами (1719 год, типография Александрo-Невского монастыря). Заботами великой княгини Анны Павловны, королевы Нидерландов, был сохранен домик Петра I в Заандаме. В истории Нидерландов Анна Павловна (1795—1865), дочь Павла I и супруга Вильгельма Оранского II, осталась любимой королевой. Деньги из огромного приданого она тратила на благотворительность, открыла множество приютов, школ. Сегодня в Гааге улица и площадь носят ее имя, там же ей установили памятник, а на севере Нидерландов есть городок с названием Анна Павловна. И все-таки счастливой она не была. Судьбе этой женщины, «несчастливой» королеве Нидерландов, посвящена отдельная глава. Естественно, значительное внимание автор уделяет развитию на протяжении четырех столетий религиозных связей между двумя государствами. Это и история реформатского прихода в Москве (первый реформатский храм появился там еще в царствование Михаила Федоровича), и подробная история голландской реформатской церкви и голландской общины в Санкт-Петербурге. В отличие от России, где строились реформатские церкви (в столице, в Санкт-Петербурге — на центральном Невском проспекте), в Голландии существовал запрет на общественные богослужения любых

церквей, кроме протестантских. Такую непримиримую позицию голландских реформатов о. Августин объясняет тем, что их предки добились независимости в XVI веке в упорной борьбе с католической Испанией. Находившиеся в Голландии русские купцы, студенты, дипломаты нуждались в духовном окормлении, в строительстве собственного храма им отказывали, но не возбранялось вести службы в частных домовых церквях. Книга о. Августина интересно построена. В конце каждой главы помещены приложения, в основном путевые заметки послов и путешественников, Россию посещавших, и заметки русских путешественников в Голландию. Гостей из Голландии интересовали незнакомые им православные праздники, обряды, обычаи. Присутствовать на православных службах внутри храма иноверцам запрещалось, но многие ритуалы происходили публично: чин водоосвящения, церковные церемонии в Вербное воскресенье, во время свадеб и похорон. С разрешения патриарха иностранцы попадали в церковь, там их внимание привлекали внутреннее убранство, иконы, у реформаторов упраздненные. Описание Иверского монастыря на Валдае оставил Николаас Витсен, посетивший Россию в 1664–1665 годах. Интересные записки оставил голландский художник Корнилий де Бруин, допущенный к святыням Московского Кремля, он же — первый автор, подробно описавший традиции русской иконописи. С таким же интересом знакомились в Голландии с реформатской церковью русские православные христиане, привлекал их, особенно в XIX веке, и домик Петра I в Голландии (князь А. Мещерский, Н. Греч, А. Половцов). Домик «царя-плотника» запечатлен и в русской поэзии. Иногда о. Августин включает в приложения и отдельные статьи других авторов: Г. Хвостовой «Памятники „царю-плотнику“ в Санкт-Петербурге и Саардаме»; И. Степановой «„Благовещение“, „сов. секретно“». В статье Степановой речь идет о распродаже эрмитажных коллекций, среди которых были и выдающиеся картины голландских мастеров на религиозные сюжеты. О. Августин пишет о влиянии на фресковую живопись Ярославля гравюр-иллюстраций к Ветхому и Новому Заветам из голландских альбомов (библии «Пискатора»). Рассказывая о русско-голландских «колокольных» связях, автор возвращается на Русский Север: именно туда, в Строгановскую факторию, в разгар иконоборческого движения в Нидерландах голландцы и антверпенские торговые люди привезли несколько сот колоколов, изъятых из католических монастырей и церквей. Голландцы-реформаты смотрели на колокола как на лом, для русских они представляли не только материальную, но и духовную ценность. Особая страница — голландская духовная поэзия в России, страстным почитателем и переводчиком которой был русский дипломат, поэт и переводчик П. Корсаков (1790–1844), его переводы представлены в книге. В истории русско-голландских связей особое место занимают переговоры представителей РПЦ по вопросу о сближении со старокатоликами — группой христиан, не принявших провозглашенный 18 июля 1870 года на I-м Ватиканском соборе догмат о непогрешимости (безошибочности суждений) папы римского. Диалог прервала Первая мировая война, а в 1918 году дипломатические отношения между Россией и Голландией были прерваны на несколько десятилетий. После Второй мировой войны был дан новый импульс развитию российско-голландских отношений, обзором этих связей и заканчивается книга о. Августина.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)